

Ю. О. Юрасова,

Авторское сознание и ритмическая организация текста: на материале первой главы романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Специфика авторской репрезентации в прозе, проблема отношений автора и персонажа, равно как и теоретическое обоснование этих категорий, является дискуссионной и многоаспектной, сложность разрешения которой состоит в рассмотрении целого комплекса явлений, связанных с образом автора. Речь идет не столько о социальном статусе автора, его ментальности, личностном опыте, ценностных установках, сколько о том как автор представлен в тексте. Одним из аспектов этой проблемы, полагаем, является своеобразная ритмическая организация текста художественного произведения, свойственная всем большим художникам. Этим обусловлена актуальность представленной статьи.

«Авторская» тема в современном литературо-теоретическом дискурсе является одной из сложнейших. Проблема автора, способы выражения авторского сознания, авторская идентичность и репрезентация, связь и взаимодействие автора и героя, автора и читателя – предмет научной рефлексии ведущих отечественных литературоведов: М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Ю.Н. Тынянова, Б.О. Кормана, Л.Я. Гинзбург, Ю.М. Лотмана, Н.К. Бонечкой, А.Ю. Большаковой, В.В. Федорова, О.Ю. Осьмухиной и многие другие. Однако эта проблема и сегодня является одной из самых сложных и многосторонних, несмотря на то, что круг исследований, посвященных изучению проблемы автора, авторского присутствия в тексте широк и разнообразен. Этот факт можно по праву считать серьезным научным достижением современной гуманитаристики.

Как правило автор пребывает за пределами изображаемого мира. Он не только «прячется» за героем, но и особым образом организует текст. Поэтому «концепционный автор», по мнению М. М. Бахтина, утверждает, свою позицию «вненахождения». Он «непосредственно не входит в произведение: какой бы фрагмент текста мы не рассматривали, мы не найдем в нем автора». Его воспринимают как определенный взгляд на действительность, как «субъект сознания», устанавливающий отношения с другими «субъектами языка», являющийся «последней инстанцией, существующей в тексте и за его пределами» [4, 23].

В этой связи особое значение приобретает анализ особенностей ритмического фона произведения. Ведь организуя тем или иным образом движение основных ритмических характеристик текста, акцентируя внимание читателя на пиках ритмической выделенности, автор так или иначе мотивирует отмеченную им динамику и неизменно связывает эти узловые моменты с сюжетно-фабульным движением произведения и с характеристиками

персонажей. Такой подход особенно важен при обращении к ритмике Ф. М. Достоевского, который явно отталкивается от сложившихся норм ритмической организации прозаического произведения – норм, получивших, в частности, отчетливое и завершенное выражение в прозе И. С. Тургенева.

Наше исследование показало, что наиболее стабильными и устойчивыми в имеющемся комплексе ритмических характеристик являются регулярные колоны или речевые звенья с одним ритмическим ударением внутри. Общее количество их составляет 56% общего числа колонов. За ними следуют малые колоны в составе 26%, а количество больших колонов несколько снижается и составляет лишь 18%.

Наиболее устойчиво во всех абзацах преобладают женские и мужские зачины и окончания. Везде их количество составляют в среднем 35-40% общего числа. Во внутрифразовых и фразовых компонентах эти же показатели несколько меняются, составляя уже 28-40%. Наряду с этим снижено количество дактилических и гипердактилических окончаний и зачинов. Во внутрифразовых показателях и фразовых компонентах также снижена интенсивность указанных признаков.

Развертывание отмеченных выше линий ритмического движения, как представляется, Достоевский неразрывно связывает с особенностями сюжетной линии. Так, уже в самом начале главы, в 1-3 абзацах, автор дает достаточно подробное описание как неустроенного быта героя, так и его эмоционально-психологического состояния. Доминирующие моменты здесь - «Каморка... под самую кровлей высокого... дома», «стыдился и морщился», а также: «Он был в раздражительном и напряженном состоянии» и т. д. Очевидная шаткость положения героя находит отражение в нерегулярном распределении женских и мужских зачинов фразовых компонентов, мужских и дактилических зачинов, дактилических и гипердактилических зачинов. Также отмечается противостояние женских и дактилических окончаний фразовых компонентов.

Далее, в 4-5 абзацах, по мере развития темы душевного дисбаланса и крайнего отчаяния героя, динамика ритма усиливается, проявляясь прежде всего значительным количеством малых колонов (Гм... да...так... и т. д.). Здесь же автор явно противопоставляет женские и мужские окончания и зачины, мужские окончания фразовых компонентов. К этому добавляется очевидная нестабильность относительно мужских и дактилических межфразовых окончаний.

Позже, в 10-11 абзацах, к образам тесной каморки, нищего юноши и пыльного летнего Петербурга добавляются два новых: образ «преогромнейшего дома» и «крошечной сухой старушонки». Эти новые эмоционально-семантические «узлы», не случайно включенные автором в канву повествования, соответственно, обуславливают определенные изменения в акцентно-ритмической доминанте главы. На фоне стабильного распределения колонов (большинство – регулярные) и относительно стабильного распределения окончаний и зачинов растет интенсивное противостояние

мужских, женских и дактилических зачинов внутри фразовых компонентов, а также между фразами.

Таким образом, используя весь набор экстралингвистических и ритмических средств, Ф. М. Достоевский подводит читателя к эмоциональному «ядру» главы, ее кульминационному моменту, 16-17 абзацам. Здесь герой, находясь в сильнейшем смущении, пораженный, все-таки фактически принимает решение, одновременно порицая самого себя. Здесь прежде всего обращает на себя внимание очевидная ритмическая расчлененность речевого потока. Большинство ритмико-синтаксических единств, самих по себе емких и контрастных, автор подчеркнуто отделяет друг от друга, для чего использует достаточно широкий набор пунктуационных средств. Именно поэтому в 17 абзаце снова преобладают малые колонны, наилучшим образом выражающие судорожное, напряженное течение мысли студента. Просматривается неравномерность распределения женских и мужских зачинов, а также перепад в распределении женских зачинов дактилических окончаний внутри фразы. Нельзя не отметить и растущую нестабильность среди гипердактилических окончаний, женских и дактилических межфразовых окончаний.

Действие заключительных абзацев главы автор переносит в распивочную, где, выпив пива, Раскольников почувствовал, что «тотчас же все отлегло, и мысли его прояснели». И снова «он глядел уже весело» и намерения его были тверды. Здесь Достоевский, подчеркивая очевидную нормализацию состояния Раскольникова, тот факт, что дух его снова укрепился, отдает предпочтение регулярным колоннам и здесь можно говорить о стабильном распределении окончаний, однако отмечается неустойчивый перепад в расстановке женских и дактилических окончаний внутри фразы, а также женских и мужских зачинов, дактилических зачинов фразовых компонентов.

Проведенный нами анализ речевого движения текста, выделение комплекса его ритмических, синтаксических и лексико-семантических характеристик позволяет также увидеть заложенные автором и основывающиеся на вышеуказанных категориях функциональные противоречия: плавность-прерывистость, спокойное течение речи-напряженность, устойчивость-изменчивость ритмических доминант и т. д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гиршман М. М. Литературное произведение: теория и практика анализа / М. Гиршман. – М.: Высш. шк., 1991. – 160 с.
2. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. / Ф. Достоевский – М.: Худож. лит., 1983. - 400 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий/ сост. А. Н. Николюкин. – М.: НПК Интелвак,
4. Літературознавча енциклопедія: в 2 т. /автор-укладач Ковалів Ю. І. – К.: вид. ц. «Академія», 2007. – т. 1 607 с., т. 622 с.

5. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студентов высших учебных заведений / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2002. – 436 с.

АННОТАЦИЯ

Юрасова Ю. О.

Авторское сознание и ритмическая организация романа Ф. М.

Достоевского «Преступление и наказание»: на материале первой главы.

В статье рассматриваются особенности авторской репрезентации, нашедшие отражение в ритмической композиции текста, его речевом движении. Выявлены, также, ритмические, синтаксические и лексико-семантические характеристики текста и основывающиеся на них функциональные противоречия: чередующаяся плавность-прерывистость речи персонажа, спокойный/напряженный ход его мыслей, устойчивость/изменчивость ритмических доминант и т. д.

Ключевые слова: колон, зачин, окончание, ритм, автор, персонаж.

АНОТАЦІЯ

Юрасова Ю. О.

Авторська свідомість і ритмічна організація роману Ф. М. Достоевського «Злочин та покарання»: на матеріалі першої глави.

В статті розглядаються особистості авторської репрезентації, які знайшли відображення в ритмічній композиції тексту, його мовленнєвому русі. Виявлені, також, ритмічні, синтаксичні і лексико-семантичні характеристики тексту і функціональні суперечності, які засновуються на них, а саме: повільність-уривчастість мови персонажу, спокійний/напружений хід його думок, усталеність/мінливість ритмічних домінант, які переважаються.

Ключові слова: колон, зачин, закінчення, ритм, автор, персонаж.

SUMMARY

J. Yurasova.

Author's consciousness and rhythmic organization of the novel «Crime and punishment» by F. M. Dostoevsky: on the material of the chapter one.

In the article the peculiarities of the author's representation which were reflected in the rhythmic composition of the text and its speech movement are examined. Rhythmic, syntactic and lexical-semantic textual characteristics and functional contradictions based upon them, such as alternating smoothness-brokenness of the character's speech, calm/strained way of his thoughts, steadiness/unsteadiness of rhythmic dominants were also revealed.

Keywords: colon, introduction, ending, rhythm, author, character.